

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НЕОЯЗЫЧЕСТВА: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ

© *Гайдуков Алексей Викторович, к. филос. н., доцент,
президент Центра религиоведческих исследований «Этна»*

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)

nrd@mininuniver.ru

«Нет более туманного и неопределённого термина, чем “язычество”...»
(Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – С. 3).

Заявив в прошлом веке о своём существовании, новое язычество (или неоязычество) стало своеобразным ответом на социальные запросы, связанные с идентичностью, этничностью и духовностью. Будучи продуктом секулярного и постсекулярного урбанистического общества, неоязычество проявляется в реконструкции и конструировании дохристианских и неавраамических традиций. Для более глубокого изучения данного многогранного религиозного феномена следует рассматривать в комплексе не только его проявления, но и социальные функции. Однако именно им исследователи внимания почти не уделяют. Причина сложившейся ситуации в отсутствии конкретики: мы имеем дело с несколькими неизвестными, которые можно разделить на три блока:

1. Размытость и неопределённость понятия «неоязычество», связываемого с религиозными, культурными, субкультурными, психическими, политическо-идеологическими и прочими феноменами.

2. Отсутствие единого однозначного понимания «социальных функций» и «функций» с позиции философии и других наук, а также с позиций различных социологических и культурологических парадигм/школ (функционализма, конструктивизма, системного подхода), да и сами функции/роли рассматриваемого явления могут восприниматься не всегда как социальные.

3. Различие в подходах к определению религии создаёт препятствия к однозначному и чёткому пониманию её функций как системы взаимодействия со сверхъестественным/нуминозным/сакральным, как системы символов, как семиотической и коммуникативной схемы, как системы мотиваций и пр.;

1. Неоязычество

Обычно детальный подход к определению неоязычества занимает несколько страниц. Здесь же лишь кратко обозначим общую проблематику, обозначив неоязычество как «совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений, обращающихся в своей деятельности к дохристианским верованиям и культам, обрядовым и магическим практикам, занимающихся их возрождением и реконструкцией» [Гайдуков 2007: 182–183]. Необходимо также выделить и негативные коннотации термина, определяемого как «искусственный и эклектичный интеллектуальный конструкт», который «предпочтительнее называть псевдоязычеством, то есть лжеязычеством» [Васильев 2001: 102–103] или как «духовносинкретическое искусственное соединение разнородных идей, старых и новых учений, наукоподобия, заблуждений, суеверий, социальных утопий <...> пёструю смесь восточных религий и европейского оккультизма» [Шелбанова, Болотова 2013].

Сразу оговоримся, что в данном тексте пойдёт речь о российском неоязычестве. Обзор западного неорепганизма, связанного с европейскими и американскими реалиями начала и середины XX века, значительно выйдет за рамки данного исследования. Несмотря на обширный список публикаций о неоязычестве, в количестве пары десятков книг и нескольких сотен статей, комплексного изучения этого феномена пока не производилось. Публикации о неоязычестве страдают односторонностью и поляризованностью определений: от восхваления у последователей до негативной критики противников (в основном со стороны христианства), определяющих его как сатанизм. Журналисты обычно описывают одно-два события, наполняя их эмоциями, исследователи же в одиночку пока разбирают отдельные аспекты неоязычества. На данный момент из комплексных исследований можно назвать только англоязычную коллективную монографию «Современное язычество и движения родной веры в Центральной и Восточной Европе», изданную в мае 2013 г. под редакцией Каарины Айтатурто и Скотта Симпсона [Aitamurto, Simpson 2013]. В ней специалистами были даны не только обзоры по отдельным странам, включая Россию, но и по отдельным проявлениям неоязычества. Но и там проблема его социальных функций почти не затрагивалась.

Рассматривая многогранный феномен неоязычества и его социальные функции, мы вступаем в зону неопределённости. На это есть минимум три серьёзные причины.

1. Неопределённость феномена. Само неоязычество не может рассматриваться исключительно как религиозное явление, проявляя свои идеологические (политические), гносеологические и прочие аспекты.

2. Различные подходы в изучении. Исследователи неоязычества предлагают различные подходы к его пониманию с позиций философии религии, социологии, культурологии, психологии. Безусловно, комплексный религиозоведческий подход должен их синтезировать, однако столь широкий спектр признаков неоязычества и наук, его рассматривающих, заставляет прежде рассмотреть его функции через их специализированный понятийный аппарат.

Поэтому попробуем последовательно рассмотреть неоязычество с его функциями через призму каждой из этих наук как

- в рамках *культурологии* – как феномен культуры в целом и как субкультуру;
- в рамках *религиоведения* – как религию и как тип нового религиозного движения;
- в рамках *социологии* – как религиозный социальный институт со своей системой норм, целей и ценностей), как массовое социальное движение со своей специфической социальной стратификацией, а также как микрогруппу на примере неоязыческой общины с выстраиваемыми в ней межличностными «семейно-родовыми» отношениями, о которых удобнее говорить с позиций *психологии*.

Кроме того, важно помнить, что формулировка понятий категорий и их функций зависят не только от предметной стороны отдельной науки, но и от выбранной научной парадигмы, которая может иметь и междисциплинарный характер (в нашем случае наиболее удобен структурный функционализм), а также от личных взглядов на проблему у каждого самостоятельного исследователя.

3. Динамичность феномена. Ещё одной трудностью выступает достаточно быстрая изменчивость идеологических и обрядовых элементов неоязычества, а также представлений о них в среде его последователей. Это связано не только с накоплением знаний о «древнем» язычестве (а точнее, прочтения накопленного историко-этнографического материала) неоязычниками или с разработкой новых доктринальных положений, но и, как это не покажется банальным, с их возрастными и психофизиологическими особенностями, происходящими за почти четвертьвековой период его существования в России. Поэтому важно разделять его ранние социальные функции на исходе советской эпохи рубежа 1980 – 90-х гг. и современные, часто реализуемые среди подростков, уже не заставших СССР.

4. Проблема общественного резонанса. В случае анализа функций неоязычества необходимо учитывать несколько пластов/уровней его восприятия (которые тоже являются в

своём роде функцией общественного резонанса многогранного и непонятного многим феномена неоязычества):

А) обывательский, отражающий мнения людей не незнающих, но часто эмоциональных (социологические исследования этого уровня были проведены Е. Лемешевой в 2010 – 11 гг.) [Лемешева 2012: 85 – 90];

Б) журналистский – частично информационный, но рассчитанный на вызов эмоционального отклика;

В) конфессионально ориентированный – в значительной мере субъективный, представленный двумя полюсами – апологетами-последователями и критиками, обычно из православных антисектантов);

Г) научный анализ.

Всё это заставляет воспринимать неоязычество как многогранный и неопределённый до конца феномен. Однако и с выявлением его функций тоже нет утешающей конкретики.

2. Социальные функции

Исходя из специфики понимания «функции», введённой в научный оборот ещё Г. Лейбницем (от латинского *functio* – исполнение, осуществление, соответствие, отображение), они всегда позитивны (функциональны). При этом с позиции философии «дисфункции» функциями не являются. Однако в социальных отношениях определённой функциональностью обладают и дисфункции, подобно тому, как и «чёрный пиар» в рекламе, вызывая негативную реакцию, повышает популярность некоего продукта. Поэтому вслед за Р. Мертоном «дисфункции» могут восприниматься как амбивалентные пары функций.

Для выяснения особенностей социальных функций неоязычества, в первую очередь как религиозного феномена, стоит рассмотреть подробнее функции религии, а далее обозначить его основные признаки. Учитывая, что определение любого социального феномена может быть сущностным или функциональным, каждое специфическое определение будет указывать на его специфическую же функцию. Неслучайно Э. Дюркгейм сводил объяснение феноменов культуры к описанию выполняемых ими функций.

Кроме того, чтобы определить функции, стоит выявить их причины и предпосылки, приведшие, в конечном итоге, к реализации востребованных функций. Причины (потребности) порождают необходимость формирования новых социальных институтов, так как старые (традиционные) перестают их удовлетворять. На помощь прежним религиозным институтам приходят квазирелигиозные, представленные стилем Нью Эйдж, в том числе нашедшим отражение в неоязычестве.

Важно иметь в виду, что объектом влияния конкретной социальной функции религии может представлять как конкретный индивид или конкретная социальная группа, так и всё общество в целом. Кроме того функции религии (и неоязычества в частности) как социального института и как его проявления в виде конкретной религиозной организации во многом пересекаются, поэтому достаточно трудно выявить отдельно один из них.

3. Функции религии

Проблеме формулирования функций религии значительное внимание уделяет каждый социолог, исходя из особенностей своих исследовательских задач. Поэтому неудивительно, что единого подхода в этом вопросе нет. Здесь важно помнить, как говорил В. И. Гараджа, что «попытка в духе функционализма сформулировать перечень присущих религии функций, в качестве культурных универсалий, действующих всегда и везде, не состоятельна» [Гараджа 2006: 1134]. Более глубокое изучение религии уточняет её существующие функции и формулирует новые, при этом одни функции могут быть сведены к другим или иметь схожее название и даже почти противоположное значение. Часто при определении функций религии их объединяют с её ролью, однако эти понятия не являются тождественными. Если функции религии это способы её действия в обществе, то социальная роль религии, по классическому определению Д. М. Угриновича, – это «система социальных функций религии, присущих ей в определённых исторических условиях» [Угринович 1985: 99], т. е. их суммарный результат.

Разные авторы определяют главными различные функции. Для М. Вебера главной являлась смыслополагающая религиозная мотивация социальной деятельности, для П. Бурдьё – идеологическая функция религии – легитимация и усиление материальной и символической власти группы или класса. Функционалистские теории религии также различаются в акцентировании основных функций религии. Так, у К. Маркса основной функцией религии является сохранение социального порядка, у А. Р. Рэдклифф-Брауна – мотивация действий индивида, чтобы они отвечали требованиям общества и служили целям его упрочения. В структурном функционализме Т. Парсонса – обеспечение необходимого обществу «следования образцу», которое, объединяя общество системой убеждений и выполняя когнитивную функцию, укрепляет социальную солидарность посредством церемоний и ритуалов, а также, используя позитивные и негативные санкции, поддерживает этически приемлемые ценностные ориентации.

И. Н. Яблоков называет семь функций религии (мировоззренческую, компенсаторную, коммуникативную, регулятивную, интегрирующе-дизинтегрирующую, культуротранслирующую и легитимирующе-разлегитимирующую) [Яблоков 2000: 299].

В. И. Гараджа сводит их к четырём типам: функции значения / смыслополагания (по Веберу); принадлежности или идентификации – через обряды перехода; социальной интеграции и стабильности – для поддержания солидарности и коллективной идентичности (по Дюркгейму); и сакрализации, включая систему норм, ценностей и политических институтов общества [Гараджа 2006: 1134]. Количество выявляемых функций почти безгранично. Так, И. Д. Давыдов в рамках функционального анализа выделил 24 не дублирующиеся функции религии, отнеся к современным такие 12, как самоидентификация, ритуализация жизни, преодоление случайностей, социальная интеграция, мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, дезинтеграционная, легитимация, ценностно-интерпретирующая и пророческая, т. е. пророческая [Давыдов 2011: 61 – 69]. В отличие от всех остальных, последняя была определена как уникальная, присущая именно религии.

Вышеперечисленные функции религии обнаруживаются в неоязычестве в полном объёме, однако формат и тема статьи позволяют их лишь обозначить. Даже в классическом учебнике по религиоведению И. Н. Яблокова определяются «факторы, повлиявшие на возникновение неоязычества, из которых возможно сформулировать и его функции: рост русского этнического самосознания и усиление интереса к историческому прошлому Отечества, связь его радикальных форм с национализмом» [Яблоков 1998: 119 – 120].

Из специфических функций неоязычества исследователями отмечаются *этическая*, опирающаяся на идею неразрывного единства человека и природы, выступающая в виде «протеста против потребительской культуры, лицемерной ханжеской морали» [Агальцов 2010]. Кроме того, упоминаются *деятельная функция* и *антидогматизм* неоязычества, представляющего как «религия дел», а не «мистика христианской веры» [Сторчак 2001]. На отсутствие жёсткой системы догматов, создающей возможность для спекуляций, указывает и В. Алексеев, отмечающий, что неоязычество находится в стадии становления и что «традиции, которые могли бы дисциплинировать мифотворчество, просто отсутствуют» [Алексеев 2013]. Также критики выделяют *коммерческую функцию*, в свете которой противники неоязычества характеризуют его как «хорошо продуманный и коммерчески успешный проект», своеобразную «карма-колу» на любой вкус [Матвеева 2012]. В. С. Соловьёв формулирует новую *«филармоническую»* функцию [Соловьёв 1999: 23], когда сочувствующие зрители съезжаются на обряды, проводимые язычниками.

Таким образом, задача выявить специфические функции религии (в нашем случае, неоязычества) как социального института, отличные от функций других социальных институтов, а из функций религии вычленить специфические отличительные функции неоязычества, представляется практически невозможной, т. к. они будут характерны для многих других религиозных феноменов. Однако систематизация социальных функций неоязычества и приведение по ним примеров, относящихся к разным общинам, разделённым

во времени и пространстве, представляются благодатной почвой для комплексного исследования и написания целой книги.

Резюмируя все приведённые выше размышления о социальных функциях неоязычества, можно сделать краткий вывод о том, что оно отвечает возникшим потребностям индивидов и общества в целом в (нео)архаическом мышлении, магизме, экологизме, антииерархизме, антидогматизме, формировании новой групповой идентичности, (ре)конструировании родовых связей, а также осознания и поддержания индивидуальности на фоне глобализации и прочих социально-экономических, политических и духовных проблем современности.

Список литературы

- 1) *Агальцов* 2010 – *Агальцов А. Н.* Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен. Дисс. к.ф.н., 2010.
- 2) *Алексеев* 2013 – *Алексеев В.* Русское неоязычество // Вестник ЦАИ. – № 12, 13. (<http://www.apolresearch.org/win/index.php3?razd=1&id1=25&id2=226>) [10.01.2014].
- 3) *Васильев* 2002 — *Васильев М. А.* Рец. на: Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001 // Славяноведение. – 2002. – № 4. С. 102–103.
- 4) *Гайдуков* 2007 – *Гайдуков А. В.* Неоязычество // *Idei v Rossii – Ideas in Russia – Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski/Ed.by J. Kurczak.* – Łódź, 2007. – Vol. 6. – P. 182–193.
- 5) *Гараджа* 2006 – *Гараджа В. И.* Функции религии // Религиоведение: Энциклопедический словарь / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. А. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 1134.
- 6) *Давыдов* 2011 – *Давыдов И. П.* Функциональный анализ религии // Религиоведение. – 2011. – №3. – С. 61–69.
- 7) *Лемешева* 2012 – *Лемешева Е. М.* О социально-типическом и единичном в картине мира российских язычников // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: сборник материалов международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова.* – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. – С.85–90.
- 8) *Матвеева* 2012 – *Матвеева В.* Современное неоязычество как бизнес-проект // Правда.Ру (<http://www.pravda.ru/faith/confessions/newreligion/19-11-2012/1135167-neoyaz-1>) [19.11.2012].
- 9) *Рыбаков* 1981 – *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – С. 3
- 10) *Соловьёв* 1999 – *Соловьёв В. С.* О судьбах марийского язычества // Финно-угорский вестник. – 1999. – № 1 (13). – С. 23.
- 11) *Сторчак* 2000 – *Сторчак В. М.* Современные неоязыческие партии и организации в России и мессианская идеология // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия / Материалы семинаров, ноябрь – декабрь 2000. – М., 2001.
- 12) *Угринович* 1985 – *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. – М., 1985. – С. 99.
- 13) *Шелбанова, Болотова* 2013 — *Шелбанова Т. В., Болотова Ю. Г.* Языческое наследие в современной духовной культуре // Информационно-маркетинговый центр молодёжной науки в Беларуси. (http://www.metolit.by/imc_ysb/txt19_0.php) [10.01.2014].
- 14) *Яблоков* 2000 – *Яблоков И. Н.* Религиоведение: Учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / И. Н. Яблоков. – М.: Гардарики, 2000. – С. 299.
- 15) *Яблоков* 1998 – *Яблоков И. Н.* Русское неоязычество // Основы религиоведения. Учеб. / Под ред. И. Н. Яблокова. 2е изд. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 119–120.
- 16) *Aitamurto, Simpson* 2013 – *Aitamurto K., Simpson S.* Modern Pagan and Native Faith Movements in Central and Eastern Europe. – Durham: Acumen Publishing, 2013. – P. 1–9.

ISSN 2312-1696

**COLLOQUIUM
HEPTAPLOMERES**

I

УДК 299.572(059)

ББК 86.39

С 70

Главный редактор:
кандидат исторических наук, доцент **Р. В. Шиженский**

Научный редактор:
кандидат философских наук **А. А. Бесков**

COLLOQUIUM NEPTAPLOMERES: Научный альманах. –
С 70 Выпуск I: **Язычество в XX – XXI веках: российский и европейский**
контекст. Составители: А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. – Нижний
Новгород: НГПУ им. К.Минина, 2014. – 210 с.
ISSN 2312-1696

УДК 299.572(059)
ББК 86.39

© НГПУ им. К. Минина, 2014